

Замок спал, когда она выскользнула из покоев принца. Кутаясь в плащ, пронеслась легкой тенью по коридорам, хмыкнула едва слышно, когда он поймал ее за талию и втянул в нишу, под тяжелый гобелен. Поцеловал податливые, мягкие губы, поинтересовался едва слышно:

- Спросила?

- Спросила.

- И?

- Не поверил. Сказал, что я глупая... этот принц назвал меня глупой!

- Пока не поверил, - усмехнулся он, награждая вредную кокетку долгим, ласковым поцелуем.

И, подхватывая девушку под бедра, подумал, что пожалуй, ее будет даже слегка жаль... но...

«Вода точит камень. Не сегодня, завтра, ты сделаешь что от тебя хотят, Миранис. Уж я-то постараюсь...»

И она постарается, эта глупая дурочка. Кто же виноват, Миранис, что ты так падок на глупых красоток? И так сильно завидуешь своему новому телохранителю?

Гроза прошла совсем недавно, обострила цвета и запахи, и вновь выглянуло, позолотило все вокруг солнце. Чадили сладостью растущие за стенами липы, темнел от влаги песок, поблескивали колонны аркады, окружающий внутренний дворик. Наследный принц подошел к перилам балкона и приказал стоявшему за ним телохранителю опустить над ними полог: Миранис не хотел, чтобы его видели.

Вернее, не хотел, чтобы он видел.

И его видеть не хотел. Надоел со своей собачьей преданностью.

А еще с утра было все иначе. Она была рядом.

Был благостный полумрак под тонкой, синей тканью балдахина. Был мягкий шелк простыней, ласкающий разгоряченную кожу. Блестящие волны рыжих волос на подушках. Зовущий, потемневший до синевы взгляд. Гибкие изгибы под пальцами, манящие, полные губы... и слова,

прорывающие сквозь волны удовольствия, горькие слова, отравляющие душу:

– Все говорят, что он лучше... Не понимаю, почему, мой принц. Разве это справедливо? Разве так должно быть? Мой принц... ты так красив, мой принц... так совершенен. Почему они этого не видят? Почему видят только твоего телохранителя? Почему боготворят его будто принца? Мой принц... мой бедный принц...

– Глупости, молчи! – рассмеялся тогда он. Видят боги, даже искренне засмеялся.

Сладость поцелуев... тихий стон, поднимающаяся в душе ярость:

– Мой принц... Мир!

И позднее, когда он проваливался в сон:

– Я так мечтала о тебе... мой принц. Мой прекрасный принц! Только о тебе! Я так рада, что хоть на время я рядом с тобой. И не понимаю... почему... почему никто не видит, что ты лучший. Почему видят только твоего телохранителя, ну почему?

И грызущие невесту откуда взявшееся раздражение, когда Миранис вышел из своих покоев и увидел его... перед которым склонялись даже советники. Его слегка смущенную, спокойную улыбку, ласковый шелк его слов...

– Мой принц, – поклонился он.

Целитель судеб, тихий и незаметный на первый взгляд... он умел убедить, обворожить любого. Он входил в тронный зал, и все взгляды цеплялись только за него. Он на балу одной улыбкой разбивал сердца даже самым гордым красавицам, хотя видел только свою невесту. Он шел рядом со столь непохожим, но столь же ярким братом, и за ними лился шлейф восхищенного шепота:

– Боги, они как боги!

А Миранис? Миранису так не везло...

И хоть бы они ценили бы это, а? Арман этого шепота даже не замечал, Рэми чуть краснел, пряча печаль в огромных, выразительных глазах. И этим раздражал еще сильнее... Почему все почести только этим двоим?

Почему эти двое затмевают своего принца?

И как задушить поднышающую к горлу горечь? Откуда вообще это все взялось? Нет, еще совсем недавно, до появления Рэми, Мираниса раздражали и другие телохранители. Своей навязанной заботой, своим молчаливым пониманием. Но после того, как они чуть было не погибли по его, Мираниса, вине...

После того, как новый телохранитель, даже сгорая во власти зова, отказался повиноваться. И сказал, что Миранис недостоин носимой им души Аши, казалось, что Миранис образумился. Казалось, что принял, что телохранители это не его слуги, его друзья и соратники.

Понял, наконец, что телохранители даются наследному принцу богами. Они подобны драгоценным камням в его короне: высшие маги, опытные воины, названные братья. Подчиняющиеся только своему принцу, носящие души полубогов, потому и столь сильные. Слишком хороши, слишком совершенны. И связанные по рукам и ногам узами богов, неспособные предать, неспособные даже подумать о предательстве. Единственные, кому Миранис мог доверять.

Рэми тоже можно было доверять, но...

Миранис и раньше знал, что при дворе его не любят, и когда-то это не мешало. Когда-то телохранители с легкостью карали каждого, кто осмелился посмотреть косо в сторону принца, и шепотки по углам вдруг прекращались, оставляя легкий привкус страха и купленное грубой силой уважение. И Мираниса это вполне устраивало.

Но с появлением Рэми все вдруг изменилось. Рэми вдруг показал, что может быть иначе. Упрямый и дерзкий, он все равно с легкостью находил общий язык с каждым, и уважение, которое он быстро обрел при дворе, увы, основывалось совсем не на страхе. На восхищении, граничащем с любовью. Как ему это удавалось? Почему не удавалось никогда Миранису, который при дворе вырос?

И почему было так противно от его «удачи»? Ведь, сказать по чести, Рэми, целитель судеб, ничего плохого не делал. Рэми верой и правдой служил своему принцу, он все уважение, всю любовь двора, честно и бескорыстно складывал к ногам принца. Но рядом с ним было так невыносимо... как и рядом с его братом. Но если Армана Мираниса видел редко, то Рэми... Рэми в его покоях появлялся ежедневно. И на дежурствах застывал у дверей тихой тенью. Только тенью ли?

Невыносимо это вечное сравнение! Вечное «он лучший»! Даже в глазах Мираниса, увы, лучший! Но принц не он. Не он наследник Кассии! Не ему садиться на трон, не ему держать власть в своих руках! Ему необходимо оставаться в тени, а в тени оставаться он, казалось, не мог. Где не являлся, приковывал намертво внимание.

Проклятие! Пусть правит своей Виссавией, пусть там блеснит, как алмаз, в Кассии блистать не ему!

– Миранис? – осторожно вмешался в его мысли Тисмен. – Что тебя беспокоит, мой принц? Почему снова так хмур? Если я могу помочь...

Не может! Один из телохранителей, зеленоглазый, гибкий, вечно растрепанный, погруженный в только ему известные мысли, он дружил со всеми зверюшками, даже самыми опасными. Приносил их в свои покои, выхаживал, пытался таскать на дежурства, искренне не понимая, почему другим это не нравится. Вот и сейчас возился с какой-то змейкой, не замечая настороженных взглядов стороживших у дверей дозорных.

Сколько раз дозорные были покусаны любимцами Тисмена? Сколько раз потом телохранитель сначала ласково выговаривал своей зверюшке, а только потом начинал лечить пострадавшего? Потому что зверюшка ценнее, а какой-то человек... мог бы быть повнимательнее и «не наступать на хвост бедной змейке».

Рэми он тоже, казалось, считал красивой, редкой зверюшкой. И берег как красивую и редкую зверюшку, восхищался им и гордился. Тем более, что Рэми сам и сам со зверюшками дружил. И опять скрылся бы, с удовольствием, в своих лесах, среди своих медведей и волков, да кто ж ему позволит...

Не после того, как его пытались убить. Не после того, как они узнали, что Рэми умерший, казалось, наследник вождя Виссавии. Не после того, как Рэми отказался возвращаться к дядюшке и выбрал быть телохранителем наследного принца Кассии. Да лучше бы вернулся в Виссавию!

Но Тисмен не поймет.

Миранис выругался про себя, закрылся магическими щитами от назойливого Тисмена, как и от всех телохранителей. Миранис и сам не понимал. Боги, да что же он творит-то? Но стоило разуму прогнать постыдные мысли, как они появлялись сами... колыхали в душе зародыши зависти, нашептывали, что он может... может... что он может?

Горечь окатила горячей волной, и принц вцепился в перила, силой воли выгоняя из себя нечто, в чем сам себе боялся признаться. А Рэми, босой, гибкий и поджарый, как молодой волк, шагнул во двор, легким движением плеч сбросил на песок плащ, за ним: короткую, до середины бедер тунику. Пригладил ладонью темные, до плеч, волосы, улыбнулся слегка и лениво повел обнаженными плечами.

Телохранитель силы нахвалиться не мог новым учеником, смеялся, что тот учится слишком быстро и слишком быстро кладет большинство дозорных на лопатки. Что если так и дальше пойдет, находить ему пару на тренировочных боях будет слишком сложно... придется каждый раз звать высших, или Армана. Или вставать с ним в пару самому.

Даже глаза синим подведены и щеки рунами раскрашены, как и подобает архану... архан... аристократ до мозга костей. До застывшей красоты в правильных чертах лица, до уверенной плавности в движениях, до каждого жеста, отточенного долгими тренировками. А ведь еще недавно он был обычным рожанином! Совсем недавно! Деревенским, неотесанным мальчишкой, так когда он успел стать таким? Все этот Арман, все этот придурок, который нанял для брата лучших учителей.

Рэми этикету, придворным повадкам учился охотно и легко, будто не учился, а их вспоминал, и уже вскоре начал двигаться плавно, с достоинством. Говорил мало, хорошо прятал эмоции, и встречал гостей вежливыми, спокойными улыбками. А ставил на место, как и его брат, выразительным взглядом или метким словом. Как дорогая ваза, изящная и хрупкая, на первый взгляд, но, если захочешь, попробуй разбей... у Мираниса как раз такая была в покоях, сколько не швырял о стены... а все была целой.

И против трех дозорных выходит вот так: спокойно, плавно, с легкой улыбкой в темных глазах. Явно предвкушая быструю и легкую победу.

Миранис подался вперед, выдохнув сквозь зубы: Рэми сомкнул пальцы на боевом посохе – мелькнула на его запястьях синь татуировок – и начался танец. Едва уловимый взгляду, яростный, под частый стук оружия. И Миранис притормозил ход времени. Видел, как подпрыгнул Рэми, как посох одного дозорного прошел под ним, а меч другого – рядом с шеей. Как едва заметно выгнулся, уходя от удара третьего, как засмеялся и ударил сам...

Время вновь потекло привычно. Спокойно. Трое дозорных лежали на песке, угасал мягкий блеск в глазах Рэми и упал посох в мокрый от росы песок. Драка закончилась, даже не успев начаться: новый телохранитель учится быстро. Наверное, слишком быстро. А ведь даже и не думал использовать магию...

Кадм будет доволен учеником. Миранис все больше злился – он такого уровня достиг далеко не сразу, за годы изнурительных тренировок. Еще немного и Рэми станет лучше даже принца? Впрочем, со вздохом поправил себя Миранис, он и должен быть лучше. Миранису править, Рэми быть ему щитом, так почему же все равно так тошно?

– Как он красив! – выдохнули на соседнем балконе, и, обернувшись, Миранис увидел молоденькую архану.

Совсем еще девочка, скорее хорошенькая, милое личико, усыпанное светлыми кудряшками. Горят румянцем щеки, сверкают восторгом глаза, чуть приоткрыты чувственные, правильно очерченные губы... Любимое дитя одного из советников, что б его к теням смерти!

– Он прекрасен! – вновь выдохнула девушка, прижимая к губам кружевной платочек. – Снова всех победил! А как изящен, как хорошо воспитан! Как жаль, что не он принц, а жалкий Миранис!

Вот-вот, Рэми великий, Миранис – жалкий.

- Моя архана, - строго ответила стоявшая за девушкой высохшая женщина. - Умерьте свой пыл. Если вас услышат...

Правильно говорит, такие дурочки при дворе долго не живут. И был бы на месте Мираниса кто-то другой, и у девочки была бы завтра испорчена репутация, а ее отец бы и пискнуть не смел... судя по сощуренным глазам Тисмена, так и может стать. И почему-то это не радовало.

- Но... но это правда! - жарко ответила девчонка. - И дара в нем столько! Ты видела его на магических поединках? Видела, как смотрел на него учитель, с какой гордостью? И это он, он, не принц, нас зимой спас, помнишь? От того пожара?

Мир скривился. Как от пожара Рэми «спасал», так все помнят, а по чьей вине этот пожар начался, так никто. Не просто ведь так половину столицы выжгли, чтобы до этого мальчишки добратся! А теперь Рэми герой... а Миранис, увы...

- А принц что, принц в замке отсиживался, - продолжала бредить девка, - пока другие нас спасали!

Ага... в связке с Рэми был. Большую часть его боли на себя взял. Так хорошо «отсиживался», что потом седмицу с кровати встать не мог... едва на посвящение приполз. Улыбался новому телохранителю, Рэми! Терпел, когда узы богов выжрали его магию до дна, что опять на седмицы свалиться в кровать! И чего ради? Все почести не ему, Рэми! Идеальному или умеющему делать вид, что он идеален!

- А на приемах как появится... так и смотреть ни на кого больше не хочется!

Да что на него смотреть-то, ради богов! Худой, гибкий, по сравнению с другими мужчинами, на такого и смотреть-то не охота! Бабы совсем с ума посходили, изящество ставят выше мужской мощи?

- Если принц услышит...

Две дуры! Он и без того слышит! И он, и все более щуривший глаза Тисмен.

- Ну и пусть слышит! Все знают, что Миранис глупый. Даже папа так говорит, что дали нам боги наследника... ничего сам не умеет. И в совете как появляется, так лучше бы не появлялся, всем все портит! А Эррэмизель... он добрый... мудрый. Людям помогает. Никого зря не обижает. Его все любят, к нему за помощью идут... вот, смотри!

Миранис глянул вниз и на самом деле увидел, что к Рэми подошла девушка, в простом одеянии простолюдинки, рожанки. Волосы пшеничные, густые, мордашка симпатичная, только искаженная горем и слезами. Она бросилась Рэми в ноги и о чем-то попросила... о чем, Миру было неинтересно.

Гораздо больше душила боль и понимание: дочь советника, увы, права. За помощью к принцу, как и в другим телохранителям, никто не приходил... не верили, что они чем-то помогут. И не помогли бы...

- А к Миранису никто не пойдет! - вторила его мыслям девчонка. - Зачем?

И, более не выдержав, Миранис вышел с этого проклятого балкона.

- Прикажи его позвать, - выдавил он сквозь зубы.

- Мир... - пытался возразить Тисмен. - Может, ты сначала успокоишься? Знаешь же, Рэми не обрадуется, если узнает об этом разговоре!

- Он не узнает, - оборвал его Миранис. - Не от меня.

Да Миранис скорее повесится, чем ему об этом скажет! А Тисмен продолжил:

- Ты же не принимаешь все это всерьез, не так ли?

- Всерьез? - тихо прошипел Миранис. - Какое там всерьез... меня дураком при дворе называют, а его? Его боготворят. И суть не только в этой архане, во всех них! В Рэми! В его проклятой правильности! Он здесь не принц! Он всего лишь...

- ...твой телохранитель, - без улыбки ответил Тисмен, и его зеленые глаза блеснули гневом. - Носитель Аши, целителя судеб. Твой друг. Гордый до ужаса, он сам склонил перед тобой голову, сам решил тебе служить. И я думал, что ты это оценил. И не попытаешься его сломать, но, вижу... Ради богов, Мир, скажи, что я ошибаюсь!

Сломать? Миранис на миг опешил. И, посмотрев в глаза Тисмену, понял вдруг, что от других телохранителей поддержки не добьешься, даже от себя не дождешься. Как же грызет эта паршивка совесть... но ничего, и она скоро сдохнет!

Приказав замку перенести себя в свои покои, Миранис выставил телохранителя за дверь, скинул на пол плащ и тихо выругался сквозь зубы... синь... синь вокруг раздражала. И гобелены по стенам, и портьеры на окне, и ковер на полу... везде проклятая синь и серебро вышивки! Даже на одеждах его рода. Символы его власти. Его рода. Не Рэми, что б его!

Тихий стук в дверь резанул душу болью. И все более зверея, Миранис пошел навстречу вошедшему Рэми. Идеален же. Волосы причесаны волосок к волоску, на простой на первый взгляд одежде, такой же синей, как и все вокруг, бежит серебристая вышивка. Знаки Мираниса, не рода Рэми, ради богов!

Это. Его. Телохранитель. Его тень. Его опора. Его!

Ни единой лишней складки на одежде, бледное лицо без следа румянца, будто и не бился совсем недавно. И в темных глазах ни тени бывшего угара драки, лишь почтение. Хорош! Слишком хорош! Раздражающе хорош!

- Мой принц, - поклонился Рэми, и взгляд его потеплел.

Стало стыдно. На миг. На тот самый миг, пока не вспомнилось слепое обожание в глазах той арханы. И подумало вдруг: а как бы сделать, чтобы Рэми не смог больше так красоваться? Легко ведь...

- Подойди, - тихо позвал Миранис, скрывая от телохранителей свой гнев.

И Рэми, все еще не ожидая подвоха, повиновался.

Какой же доверчивый. Слабый на самом деле. Перед своим принцем слабый, из-за уз богов, а там, за пределами этих покоев - герой. Хватит ему быть героем!

И Миранис ударил в первый раз. Кулаком в живот.

Телохранитель выдохнул едва слышно, посмотрел в глаза, отчаянно, непонимающе, и Миранис, повторив удар, на этот раз локтем, в бок, приказал:

- Проваливай! И не смей залечивать ран!

И выкинул из памяти побледневшее лицо телохранителя. Рэми не понимал, а Миранис ничего ему объяснять и не собирался.

Пусть помучается. Всего слегка. Ему полезно. От пары синяков и уязвленной гордости еще никто не умирал. Зато пока Рэми будет потише, а Миранису станет поспокойнее. И на тренировочный двор не выйдет, вряд ли захочет раздеваться и объясняться. А дальше... дальше будет дальше. Миранис успокоится, разберется в себе, и проклятая злость на Рэми и на весь мир, наконец-то, уляжется. Сама собой пропадет.

И, когда едва слышно ударила за Рэми дверь, постарался забыть ужас, плескавшийся в глазах собственного телохранителя.

В ту ночь он напился, до беспамятства. На следующий день пропустил совет, хотя его и звали. Что толку от этих советов? Изображать там глупую куклу? Смотреть на фальшивые улыбки советников? Слушать, слушать ни на миг не умолкающий в голове тонкий девчачий голос, повторяющий все те же слова: «Все знают, что Миранис глупый». И вспоминать недоуменный,

полный ужаса взгляд Рэми. Брата? Носителя целителя судеб? Друга, что б его?

В стену полетела чаша, та самая, да не разбилась, перевернулся столик, и тотчас встал на место, когда вмещался дух замка... и сам замок слегка зазвенел, успокаивая, не понимая.

Мир и сам себя не понимал. Что он делает, ради богов! Вышел из своих покоев, столкнулся с дежурившим в приемной Рэми, хотел извиниться, но слова застыли на губах, и вместо этого спросил едва слышно:

– Ты один?

– Середина ночи же, – все так же почтительно ответил телохранитель. – За дверью дозор... если хочешь, я могу позвать...

И в глазах помутилось: что сделать, чтобы он больше не приходил? Чтобы понял, что он здесь лишний? Чтобы не смотрел так вот, с упрямым обожанием, боги, скажите, что?

Гнев, обида, черная пелена затмили разум, и дальше Миранис уже не помнил. Ничего не помнил. Как через туман видел он, как Рэми ахнул от нового удара, не знал, почему бил, просто бил, наверное, потому что мог. Остановился лишь когда понял, что Рэми лежит на полу, сжавшись в клубок, прикрывая голову руками, и молча дрожит, ожидая нового удара.

Отшатнулся, не понимая... почему? Почему Рэми, легко положивший на лопатки трех дозорных, сейчас и не думал отвечать? Хотя если бы захотел...

– Проклятие! – прошипел Миранис, зло пиная Рэми, и еще, и еще. – Будь проклят и ты, и твоя верность!

Всех победит!

Вот и не всех! Своего принца победить не может, проклятая тварь! Шавка!

Он вернулся в свою комнату, чтобы снова пить... до беспамятства, забыться. Не думать... пролилась на чистую столешницу пара капель вина... и Мир вспомнил о того же цвета каплях в приемной... кровь... кровь на полу. И его вырвало. В который раз за этот день.

Проснулся он поздним утром, на полу. Жмурясь от яркого льющегося в окна солнца, позвал хариба и приказал подать одеваться. Есть отказался... впрочем, пить тоже не стал, несмотря на глушащую боль, хватит ему спиртного. Может, если он не будет пить, в голове перестанет шевелиться эта проклятая черная пелена... и он вспомнит, что натворил. Что не хочет вспоминать.

И явился все же на прием послов. Ловил на себе хмурые взгляды отца, игнорировал ментальные вопросы телохранителей и, будто ни в чем не бывало, раскланивался с послами. Даже пару замечаний вставил относительно договора, наверное, дельных: во взгляде отца мелькнуло одобрение. Но спросить о Рэми не осмелился... Ни тогда, ни еще пару дней, когда телохранитель не появился на дежурствах. Ни когда услышал за своей спиной тихий шепот: «Не выходит из своих покоев... не ест... игнорирует зов учителя... не приходит на тренировки... не встречается с братом... отказывается видеть невесту и сестру... мой архан, что-то не так...»

- Я с ним поговорю, - пообещал Тис, а Мир, сам не понимая почему, вмешался:

- Ты оставишь его в покое.

- Мой принц... - обеспокоенно спросил Тисмен. - Вы опять поссорились?

Поссорились? С этой тряпкой можно поссориться? Со слабаком безвольным? Но и давать Тисмену его увидеть нельзя... это от глупых придворных Рэми все умело скрывает, от других телохранителей и от Мираниса он закрываться до конца еще не умеет...

И защищаться тоже не умеет... боги...

«Явишься на ночное дежурство», - приказал Миранис и ожидаемо получил мгновенный ответ: «Да, мой принц».

- Я сам с ним поговорю, - пообещал Миранис, и содрогнулся от спокойствия в зеленых глазах Тисмена.

Зеленый телохранитель ему верил, они все ему верили, безоговорочно... узы богов не оставляли им выбора. Даже Рэми... даже после всего этого... наверное... верил?

Проклятие!

- Мир, - тихо позвал Тисмен. - Ты почему так побледнел? Почему от нас отгораживаешься в последнее время? Почему опять пьешь? Что происходит? Почему Рэми опять в себе замкнулся? Почему отказывается с нами разговаривать! Скажи!

Что Миранис мог сказать? Он и сам не понимал, что происходит? Предпочитал не видеть, что Рэми нет на дежурствах, держать его подальше, чтобы снова не сорваться? Не словить в темном взгляде недоумения, зачатков отражения собственной ненависти.

- Не спрашивай! Все пройдет...

Наверное, пройдет.

Но ночь пришла, а покоя все не было. Он позвал свою новую любовницу, темнокудрую, милую, обнимая за талию слушал ее нежный шепот... яд ее слов:

- При дворе говорят, что ты прячешь своего телохранителя. Что он не выходит из своих покоев по твоему приказу... что ты не хочешь, чтобы кто-то другой видел, как он совершенен, а ты - нет? Это правда, дорогой? Но тебе нечего опасаться, ты все равно лучше!

И как она догадалась?

И покоя опять не было.

Не выдержав, Миранис оттолкнул девушку, выбежал из спальни и схватил из рук поджидавшего хариба, личного слуги, плащ. Дежуривший у его дверей Рэми бросился следом. Идиот упрямый! Мысль пришла и исчезла, Мир неся по коридорам замка, зная, что телохранитель не отстает ни на шаг. Замер перед лестницей, вслушался в полную шорохов тишину замка, растворился в кутающем все вокруг полумраке, в тенях в складках темных портьер, в шорохе шагов телохранителя по толстому ковру.

Смотрел вниз, за широкую, скрытую под темным ковром лестницу, в небольшую округлую залу, туда, где поблескивали в зеркалах, в начищенном до блеска паркете отражения светильников, и прошипел:

- Ты что еще не понял! Видеть тебя противно!

- Но ты сам приказал явиться, мой принц... - выдохнул Рэми и невольно отшатнулся, когда Миранис шагнул к нему. Боится? Больше не доверяет так слепо, как раньше? Мысль пришла и ушла, навстречу ей поднялся страх: Рэми покачнулся наверху лестницы, и Миранис неосознанно потянулся к нему. Удержать! И вздрогнул, когда Рэми вновь отшатнулся, шагнул назад, посмотрел удивленно и... полетел вниз.

- Рэми! - выдохнул Миранис.

Удивление в темных глазах, мягкая, такая знакомая улыбка на пухлых губах, и время остановилось... Миранис сам остановился, в ужасе замер, не в силах даже призвать собственной силы... и когда Рэми, наконец, долетел, перекатился по полу, застыл, сломанной куклой... сбежал по лестнице, упал рядом на колени, уже почти позвал Тисмена.

Но Рэми вновь отшатнулся, сел на полу, прохрипел:

- Все хорошо, мой принц, - хоть в глазах его плескалась боль и страх.

Паршиво... паршиво от этого страха. И от сжавшей горло совести. И от понимания, что еще недавно Рэми таким не был. До первого удара. Только исправлять теперь это как? Да и можно

ли исправить!

– Проваливай в свои покои! – приказал принц, поднимаясь. – В таком состоянии ты ни на что не годен!

Вообще теперь ни на что не годен! И благодаря кому? Но совесть пролепетала что-то и заткнулась, а глаза начала затмевать темная пелена. Как та, несколько дней назад. И отчаянно боясь, что он вновь сорвется, Миранис добавил:

– Проваливай... я позову Кадма. И не показывайся мне до утра на глаза...

Твой хариб... он тебя исцелит... тогда и вернешься... но вслух Миранис этого не сказал. Поднялся, посмотрел хмуро на удивленного Рэми, и повернулся к дверям из коридора... плохо... боги, как же плохо! Что же он творит-то? Сегодня напьется, от души, успокоится, проспит, глядишь, и это раздражение уйдет... а потом... а потом надо будет что-то с этим делать.

Рэми на памяти Мираниса никогда и ничего не боялся. Теперь боялся... до ужаса. Своего принца.

И в этот день ваза, полетевшая в стену, вдруг развалилась на две аккуратные половины. Миранис выдохнул, опустился на колени, коснулся тонко вырезанного ажюра и, глядя на порезанные пальцы, понял вдруг, что натворил. Рэми тоже порезал ему осколками, только не руку, а душу.

«Явишься ко мне утром».

«Да, мой принц», – последовал немедленный ответ... едва слышным отблеском вопрос: «За что ты меня так ненавидишь, мой принц?»

Привиделось? Может да, может нет... уже и не важно. Миранис приказал замку не трогать осколки чаши, чтобы помнить, и медленно поднялся. Больше не чувствуя опьянения, приказал харибу подать легкий плащ и позвал дежурившего у дверей телохранителя.

И вздрогнул, увидев у дверей походившего на медведя Кадма. Огромный, мускулистый, с красиво очерченным лицом и собранными в хвост кудрявыми волосами, прирожденный воин, Кадм был к тому крайне умен. И сейчас его ум был так некстати.

– Мой принц? – спросил телохранитель. – Можешь объяснить, почему Рэми ушел с дежурства? Со мной он разговаривать отказывается, тебе отказать не может. Что мальчишка опять натворил?

Как же плохо от этого «не может»-то! И как плохо от этой уверенности, что это не Миранис,

Рэми что-то натворил. И опять темная пелена, от которой Миранис покачнулся, а Кадм живо подставил ему руку:

- Тебе плохо, позвать Тисмена?

- Слишком много вина...

- Тогда почему выходишь?

- Тошно тут сидеть...

- Объясни, что происходит?

- Объясню, - ответил Миранис. - Завтра.

- Хорошо, - сразу сдался Кадм, - пусть будет завтра. Могу я узнать, куда мы идем этой ночью?

- В храм Радона. Я должен... поговорить со своим небесным отцом...

Покаяться... наверное.

- Пьяный?

- И?

Кадм молча склонился в поклоне. Принял от своего хариба плащ, скрыл лицо под тенью капюшона, и открыв переход, прошептал:

- Я пойду первым, мой принц.

По другую сторону спал в ночной прохладе город. Рассыпалось по темному небу серебро звезд, вылезал из-за крыш тонкий месяц. Громоздкое, приземистое здание храма давило темным силуэтом, поблескивал в свете фонарей камень на широких ступенях, ведущих к всегда открытому главному ходу. А там, за спиной, журчала меж камней, спешила куда-то шустрая речка. И тошно так, что хоть ты иди и утопись, честное слово!

Миранис медленно вошел по ступеням, принял от телохранителя невесть откуда взявшийся (небось замок постарался) букет синих роз, и вошел в главный зал.

Он был обманчиво пуст: лишь где-то у стен мелькнули молчаливые тени жрецов, хранящих

покой небесного отца. Огромная статуя сидящего на небесном троне Радона казалась живой в отблесках лампад, и так же сильно пахло курениями... Миранис вздохнул едва слышно и положил цветы у ног своего покровителя...

«Помоги мне, Радон! – выдохнул он, опускаясь на колени. – Помоги одуматься... я уже и сам не знаю, что делаю, не знаю, зачем. Не знаю, откуда во мне взялось столько ненависти... пойми... хотя я и сам себя не понимаю... помоги мне прийти в себя, пока еще не поздно, если уже не поздно, помоги!»

Миранис прикусил губу, сжал кулаки и выдохнул то... чего и сам боялся.

«Убереги его от меня, мой небесный отец! Если... если я не могу его уберечь... то ты убереги... может, в Виссавии ему было бы лучше... может, нам всем было бы лучше...»

И вздрогнул, услышав:

– Мой принц?

Кадм, до этого стоявший в тени, немедленно вмешался. Встал меж Миранисом и тонким, низкорослым жрецом, спросил едва слышно:

– Пропустить его, мой принц?

– Пропусти, – сказал Миранис, поднимаясь.

Он узнал любимого ученика верховного мага и подумал вдруг, что, может, это знак... именно светловолосый, похожий на невинного мальчишку Лис ведь помогал когда-то Рэми вытащить Мираниса из ловушки Алкадия, именно Лис боготворил Рэми, вернее, Аши в нем. Именно Лис большей частью проводил церемонию привязки Рэми к Миранису, и именно он, наверное, сейчас был тем человеком, с которым можно поговорить...

Жрецы не выдают поверенных им тайн. А Лис был истинным жрецом, тихим, спокойным, умеющим слушать. И когда они медленно шли по пустынным галереям храма, освещенным только лунным светом, когда Миранис говорил, сбиваясь... временами мучительно долго подбирая слова, не в силах оправдать свою дурь, Лис слушал. Внимательно. Спокойно. Не осуждая, не оценивая.

– Дивно все это, – сказал он, когда Миранис закончил. – Так непохоже на тебя, мой принц.

И как же хорошо от этого «непохоже на тебя». И от полного отсутствия осуждения в голосе Лиса.

- Мне это рассказываешь?

- Нет, та ревность, что ты чувствуешь к телохранителю, как раз понятна, - Миранис вздрогнул, но промолчал. Заслужил, чего уж там. - А вот то, что ты с этим делаешь... и как потом мучаешься... Кто-то искусно играет на твоих слабостях...

Миранис лишь пожал плечами, подошел к перилам и посмотрел вниз, где спал город в огнях фонарей. Прогрохотала по камням карета, что-то крикнул проходивший по мосту пьяница, а с реки тянуло влажной прохладой.

- Спасибо... но я не хочу оправдывать свою глупость внешним воздействием.

- И это делает тебе честь, мой принц, - почтительно осветил Лис, и на этот раз неожиданная похвала совсем почему-то не обрадовала.

- Ничего не делает мне честь... - прохрипел Миранис, - ты не понимаешь... он... он даже не пытается сопротивляться, Лис. Он поверил мне... он стал моим телохранителем, хотя мне равен... больше, чем равен. И я не понимаю, что я делаю... и как с этого ужаса теперь выбраться. Я даже другим телохранителям не могу в этом признаться, мне... стыдно. Но как только я вижу Рэми, разум отказывает...

- Я все понимаю, мой принц. Рэми не сопротивляется, потому что ты это ты. Потому что душе его чужда ненависть, но если ты не прекратишь, ты научишь его ненавидеть.

- Боги...

- Мой принц, - осторожно спросил Лис, - могут ли наши люди осмотреть твои покои?

Миранис вздрогнул. Потом пожал плечами, прохрипел едва слышно:

- Приходите завтра, после обеда, когда я выплюсь...

... и успокоюсь.

И уже в замке спокойно принял от хариба зелье и забылся тяжелым сном. И снилось ему... он не помнил, что снилось.

До чего же глупые эти бабы со своею любовью. И в постели хороши, когда «любят», этого у них не отнять.

- Ты оставила то, что я просил?

- Да... под кроватью, как ты и сказал... но, надеюсь, телохранители...

- Телохранители не найдут, пока не будут знать, что искать.

А когда будут знать, то, скорее всего, будет слишком поздно. Если брат не подведет. Ну и если подведет... жаль эту дуру, другую такую любовницу придется поискать...

Но игра начинала затягивать. А то, что вытворял Миранис превзошло все ожидания.

«Теперь ты можешь действовать, брат».

- У меня для тебя еще одна маленькая просьба, - прошептал он ей на ухо. - Совсем маленькая, моя малышка...

- Но...

- Я награжу тебя... я приготовил для тебя подарок. Не тут, в городе. Завтра в нашей любимой таверне? И я буду твоим весь день, всю ночь...

Она никогда не могла отказать. Не ему. И все же это человеческое обличье просто великолепно! Может, все же не дать брату все испортить?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/32967/716562>